

пость нравов и муштры закрытого военно-инженерного училища, с юности возненавидел он все формы угнетения человеческой личности. Романом «Бедные люди» Достоевский сразу же заявил о себе как писатель, «Бедные люди» открыто продолжали и развивали традицию, заложенную Пушкиным и Гоголем. Но Самсон Вырин и Акакий Акакиевич — маленькие люди, на горестную судьбу которых с гуманистическим состраданием обратили свои взоры величайшие русские писатели, — были забыты и безгласны. В творчестве Достоевского обрели они голос, впервые они были изображены изнутри. Какое богатство и благородство открылись в этих скромных сердцах, какую силу любви и самоотвержения обнаружил захудалый петербургский чиновник Макар Девушкин, поддерживая и защищая свою Вареньку, каким огромным социальным и интеллектуальным содержанием и значительностью была наполнена их драма! Любовь и сострадание к беднякам Достоевский сохранил навсегда, создав целую галерею трагических образов маленьких людей.

Кроме идеи защиты униженных и оскорбленных, в ранний период развития Достоевского формируются и иные фундаментальные идеи его творчества. Важнейшая из них — о враждебности сложившегося общественного порядка человеку — предопределила критический характер его реализма. Когда господин Голядкин, герой «Двойника», смутно начинает ощущать, что существовать в обществе он сможет, лишь оподливши, изменив своим скромным, но не дурным задаткам, он не выдерживает душевных терзаний и лишается рассудка. Но правильно ли такое мироустройство, при котором искажается сама натура человеческая? Изображение конфликта между человеком и обществом становится у Достоевского формой обличения несправедливости общественного устройства. Уже в ту пору раскрылась и диалектичность его художественного мышления. Раздумывая над природой зла, развещающего общество и подчиняющего себе человека, он пришел к убеждению, что, исходя из рационалистических постулатов философии просветителей и свойственного им механистического подхода к человеку, нельзя понять и объяснить реальную сложность его природы и мотивов его поведения. Но где гнездится зло: в самом человеке или вне его? Вопрос этот для Достоевского был коренным. Если сам человек является носителем зла, то бессмысленно думать о возможности изменения условий его существования, поскольку зло, заключенное в человеке, рано или поздно вырвется из-под контроля и разрушит самое совершенное общественное здание. По сути, на этом тезисе буржуазная идеология и обосновывает различные теории о мнимой неосуществимости социализма. И впоследствии, как бы испытывая нравственный потенциал человека, Достоевский будет ставить его «между идеалом Содомским и идеалом Мадонным», проверяя сопротивляемость человеческой природы силам зла, порока, жестокости.

Проза Достоевского той поры пронизана раздумьями о социальной справедливости, слитыми с мечтательно-фантастическими мотивами. Но мечтательность эта не была романтической, как могло показаться при поверхностном восприятии «Белых ночей» с их удивительным очарованием несбывшейся любви, поэзией необоримости надежды и человеческого стремления к счастью. Мечты Достоевского были более чем серьезны. В 1849 году вместе с другими представителями передовой демократической мысли, сторонниками утопического социализма, участниками кружка Петрашевского он был арестован. За чтение революционного письма Белинского к Гоголю и за попытку вместе со Спешневым устроить тайную типографию суд постановил подвергнуть его «смертной казни расстрелянием», замененной уже на Семеновском плацу каторгой. Десять лет, проведенных Достоевским в Сибири, среди каторжников, солдат сибирских гарнизонов, жителей глухих городов, вооружили его таким знанием доподлинной жизни народной, каким обладал мало кто из его современников.

Достоевский был убежденным противником крепостного права, поборником свободы мысли и слова, широкого просвещения народного, коренных демократических перемен в помещичье-крепостнической России. Его этический идеал сформировался под несомненным и решающим воздействием утопического социализма с его высоким гуманизмом, симпатией к угнетенным, опорой на христианскую мораль и историческим эволюционизмом. И хотя в последующие годы Достоевский вел полемику с различными социалистическими теориями XIX века — все то, что составляло пафос его зрелого творчества, то есть идеи братства людей и народов, защита интересов низов, воинствующий гуманизм, яростная жажда устранить капита-

лизм и его последствия из области человеческих отношений, не могло быть осуществлено вне социализма. Разно как и важнейший для Достоевского идеал целостного человека, чей нравственный облик и духовное содержание определяют любовь к людям, чувство добра и справедливости. Не без косвенного воздействия феодализма такого целостного человека он видел в Христе, которого он воспринимал как человека-бога, подобно тому как это делали Крамской, Ге, Поленов или такие антиподы, как Лев Толстой и народолюбцы. Отношение Достоевского к религии было весьма сложным. С предельной искренностью писал он о себе: «...я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой доски». Так оно и было. Одновременно он признавался, что его мучает тоска по вере. В его «Записных тетрадях» за 1875—1876 годы можно найти размышления и о том, что религия есть прежде всего регулятор нравственности. Придавая религии вполне земное назначение, Достоевский, однако, жестоко заблуждался, полагая, что иная основа нравственности невозможна. С тех пор целые поколения людей выросли и воспитались в духе революционной коммунистической нравственности, явив миру величайшие образцы действительного и воинствующего человеколюбия.

Коль скоро — при всех оговорках Достоевского — формула нравственности у него неотделима от поисков земного совершенства, земной гармонии, то и отыскание этой формулы он возлагает на самого человека, считая его лично ответственным за то, как он действует. Мотив ответственности человека за собственные решения и поступки становится для его зрелого творчества основным, и Достоевский исследует эту социально-этическую проблему во всей ее сложности, подспасанной необычайной сложностью исторического времени.

В пору возвращения Достоевского из каторги и ссылки в России происходили изменения исключительной важности:

ского социализма» сочетались с утопизмом, трезвостью взгляда на жизнь и историю — с идеализацией крестьянской общины как залога переустройства общества. Признание необходимости революций соседствовало с ложными надеждами на просветительный способ преобразования жизни «критически мыслящими личностями». Не была изжита иллюзия о возможности использовать самодержавие как активную политическую силу для осуществления демократических реформ. Как известно, народолюбцы после убийства Александра II обратились не к народу, а к царю с программой общественных преобразований.

Истовая вера в то, что народ есть природный социализм, сменялась разочарованием в его революционности, порождавшим анархическое бунтарство, исполненный внутреннего отчаяния злодейский заговорщицкий волонтеризм нечаяевского толка. В ту эпоху вырабатывались не только взгляды, предвещавшие научное мировоззрение рабочего класса, но и формировались идеи откровенно буржуазно-демократического характера, народнические теории «героя и толпы». Вышедшие после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского на авансцену публицисты и теоретики не обладали их политическим и эстетическим кругозором и топтались на месте, безнадежно догматизируя их взгляды, как Антонович, или приходили к плоскому позитивизму и утилитаризму, как Жуковский и особенно Варфоломей Зайцев. После спада революционной волны Писарев возлагал надежды на «мыслящий пролетариат», то есть разнородную интеллигенцию, которой предстояло готовить почву для будущего. Народники различных направлений — лавристы, долгушинцы, чайковцы, испытав крах «хождения в народ», теряя веру в революционность народа, или становились на путь терроризма, или переходили к либерально-легальной деятельности. И только рабочее движение и Ленин вывели российскую обществен-

Каждое из этих произведений — это свой мир страстей, идей, человеческих драм и характеров. С их страниц сошли и навек утвердились в нашем сознании многообразные образы его героев — и тех, кто несет в себе идеи чистого добра, и тех, кто колеблется между идеалом Содомским и идеалом Мадонным, и тех, кто является жертвами общественной несправедливости. Сила обобщенной в образах Раскольникова, Сонечки, Свидригайлова, князя Мышкина, Настасьи Филипповны, Ставрогина, Степана Петровича Верховенского, мужика Марья, Грушеньки, Смердякова, Ивана и Мити Карамазовых исторической жизненной правды, масштабы заложенного в них философского содержания таковы, что они при всей своей реалистической конкретности стали олицетворениями, почти символами долговременных и характерных свойств людей собственного мира. Узловые противоречия и нравственные коллизии его романов, включая «наполеоновскую идею» Родиона Раскольникова, порождены борьбой за деньги, собственностью, капиталом. За сто тысяч покупает Рогожин у «нетерпеливого нищего» Ганечки свое счастье и свое проклятие — Настасью Филипповну, и эти сто тысяч швыряет она в огонь, чтобы обрести постылую свободу; слепящий блеск золота водит, как болотный огонь заблудившегося путника, Андрея Долгорукова по безднам страстей и сомнений; вокруг наследства и роковых трех тысяч разыгрывается драма братьев Карамазовых, завершающаяся отцеубийством и гибелью невинного человека.

Все несчастья и бедствия униженных и оскорбленных в его романах — прямое следствие бесчеловечности буржуазных общественных отношений. Но это, так сказать, объективная историческая почва его этических и философских построений. На общественный процесс Достоевский смотрел как бы двойным зрением: сопоставляя опыт буржуазного Запада и текущий опыт исторического развития России. Он начал сознавать, что Русь двинулась по капиталистическому пути. Для Достоевского капитализм неотделим от разложения, разрушения морального состава личности. Он хорошо знал Западную Европу, где подолгу жил и часто бывал. Как и Герцен — и не без его воздействия, — он полагал, что буржуазная революционность агонизирует, капиталистический прогресс сопровождается чудовищными человеческими затратами и началась длительная полоса кризисного развития буржуазного общества, не способного осуществить идеалы равенства, свободы, цельности личности, единения человечества. Уже в «Зимних заметках о летних впечатлениях» он подверг обзору и уничтожающей критике фундаментальные черты буржуазной цивилизации и сознания. Вглядываясь в освещенный белесым светом газовых фонарей ночной Лондон — тогдашний мегаполис капиталистического мира, — Достоевский воспринимал увиденное как вершину капиталистического прогресса, символом которого стал для него «кристальный дворец» — стеклянное здание, построенное для Всемирной промышленной выставки. Он разглядывал в шевелящемся на улицах и площадях бессонного города людском месиве толпу одиночек, стремящихся в жажде сытости и утраченного единства слиться в некое подобие муравейника, неспособных образовать органическое целое из-за полной разобщенности. Он уловил в ночной лондонской толпе отсутствие чувства человеческого братства, сосредоточенность на частном интересе. С презрением говорит он о буржуазной демократии, раскрыв в знаменитой формуле механизм так называемой одинаковой свободы всем делать все что угодно в пределах закона: «Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно». Столь же зорко отметил Достоевский отсутствие у капитализма идеи будущего.

Но еще безжалостнее осудил он буржуазный индивидуализм. Признания «человека из подполья» — озлобленного одиночки, превыше всего ставящего собственное хотение и свою персону, сладострастно копящегося в собственных переживаниях, снедаемого отчаянным скептицизмом и копящего затаенную ядовитую злобу на людей, — предвосхищали многое из того, что буржуазная общественная мысль преподнесла как собственное открытие. Ненависть к прогрессу, отношение к сознанию как болезни, взгляд на болезнь, как норму жизни, жажда власти и наслаждение от насилия, неверие в человека и его возможность возвыстись разумный и счастливый мир — вот credo «подпольного человека». Его ожесточенные философемы созвучны современным теоретизированиям буржуазных идеологов, пытающихся задушить и сбросить с пьедестала идеи, указующие человечеству путь к свободе и счастью.

(Окончание на 6—7-й стр.)

ТЕЛЕГРАММА ОТ ЗЕМЛЯКОВ

Среди многочисленных телеграмм, поступивших в президиум состоявшегося в Большом театре СССР торжественного заседания, посвященного 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского, была и телеграмма из Зарайска. Воспроизводим ее текст:

«Участники юбилейного вечера подмосковного Зарайска от имени трудящихся района, где в селеньях Даровое и Черемошня провел свои детские годы Федор Достоевский, сердечно приветствуют торжественное собрание в Москве. Мы бережно храним память о великом художнике-мыслителе, для которого Зарайский край был местом первого знакомства с природой России и жизнью русской деревни, с добротой русского крестьянина Марья.

ПРЕЗИДИУМ ВЕЧЕРА»

назревала революционная ситуация, царизм, пытаясь ее разрядить, проводил половинчатую крестьянскую реформу, страна прочно становилась на капиталистический путь развития. Рождалась эпоха, в которую центр мирового революционного процесса начал перемещаться в Россию, обостряя до крайности и без того обостренные ее социальные противоречия, придавая им и их выражению в сфере общественной мысли и искусства всемирно-историческое значение. Если Толстой запечатлел эту кризисную эпоху с позиций патриархального русского крестьянина, то Достоевский стал изобразителем Руси мятущейся, сдвинувшейся с патриархально-сословных устоев, исследователем духовного мира человека, потрясенного исторической новизной, втянутого в колесо буржуазных отношений.

Две коренные проблемы встали в то время перед мыслящими русскими людьми, перед всем обществом: нельзя ли России миновать капитализм со всеми его ужасами эксплуатации, пауперизма, распада и деградации моральных принципов и затем — что делать человеку в новых общественных условиях?

История, однако, никому не преподносит готовых решений. Их всегда приходится отыскивать на опыте, трудной работой мысли. Достоевский и Толстой, Герцен и Чернышевский, Некрасов и Щедрин, теоретики и практики народничества, при резнейших различиях во взглядах, все исходили из критики и отрицания существовавшего уклада жизни. Но как и какими средствами его изменить, какой порядок предложить взамен, было совсем неясно. Ленин говорил, что Россия выстрадала революционную теорию, открывшую русскому народу дорогу к освобождению. Слова его, разумеется, можно понимать и буквально: виселицы, тюрьмы, каторга, ссылка сопровождали искание исторической истины. Но и само развитие общественной мысли было исключительно драматичным: гениальные прозрения основоположников так называемого «рус-

скую мысль из ее трагических тупиков, открыв народу широкий простор для революционного действия.

Духовное развитие зрелого Достоевского неотделимо от духовной атмосферы и поисков эпохи, но решающим для его самоопределения в идейной борьбе тех лет стало отношение к капитализму, в котором Достоевский усматривал угрозу человеку, главный источник общественных бедствий, не приемлемую для России и ее будущего форму жизни.

Достоин удивления и восхищения непрекращаемая мощь, с которой осуществлял он свои грандиозные замыслы в зрелую пору творчества. Осаждаемый кредиторами, со здоровьем, подорванным каторгой и ссылкой, почти до конца дней своих гонимый бедностью, поглощенный журналистикой и срочной литературной работой, он создает одно за другим произведения, возвышающиеся, как горная цепь, в мировой литературе. Это был истинный подвиг. «Записки из Мертвого дома» — пронзительно правдивая и человекная книга, ставшая одним из самых суровых обличений порядков царской России; «Преступление и наказание» — сумрачная и величественная драма духовной смуты, ожесточения и страшных заблуждений, отчаяния и надежды; «Идиот» — уникальный в мировом искусстве опыт создания образа истинно прекрасного и духовно совершенного человека; «Бесы» — роман о ложных путях общественной борьбы и опасности, которые несет с собой анархическое бунтарство, лишенное жизнеспособной идеи и любви к человеку; «Подросток» — исполненная невероятного напряжения картина сопротивления молодой души дьявольским соблазнам капитализма, мнимому всевластию богатства, денег, эгоизма, античеловеческой «ротильдовской мечте»; и, наконец, сходные первозданной силой и просторностью художественной мысли с древнегреческой трагедией «Братья Карамазовы» — наряду с «Войной и миром» величайшее создание русской литературы.